

The background of the image shows a lush orange tree with many ripe, bright orange fruits hanging from its branches. To the left, a large, textured stone pillar or wall is visible. The ground is covered in green grass and some dark, star-shaped objects, possibly decorative stones or plants. The overall scene is bright and vibrant, suggesting a sunny day in a garden or orchard.

Хакима Аксёнова

ПО ВЛАСТИ КАМНЯ...

Апельсиновый остров

Хакима Аксёнова
По власти камня...

«Издательские решения»

Аксёнова Х.

По власти камня... / Х. Аксёнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747246-7

Действие этой книги происходит в наше время. Главная героиня, Аксинья, получив путевку в туристическое путешествие, в результате мистической авиакатастрофы попадает на необитаемый остров. Стремление выжить и вернуться домой помогает ей познать себя. Могущественный камень, наполненный магической силой, наблюдает за Аксиньей, подкидывая испытания. Сколько приключений на острове выпадет на долю Аксиньи? Сможет ли вернуться домой, к своим детям? Читайте первую книги из серии «Апельсиновый остров».

ISBN 978-5-44-747246-7

© Аксёнова Х.
© Издательские решения

По власти камня...

Апельсиновый остров

Хакима Аксёнова

© Хакима Аксёнова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Далеко на юге с одного из островов архипелага, поднялся вертолет. Сделав круг над островом, взял курс на север.

Внутри вертолета, кроме пилота, находились четверо мужчин и две женщины. Загорелая женщина с копной темно-русых волос заплетенных в косы, одетая в ярко-красный русский народный сарафан, повернулась от иллюминатора к сидящим пассажирам, пытливо оглядев всех, сказала.

– Какие вы у меня стали взрослые, возмужали – и расплакалась, плач перешел в бурные рыдания, трое молодых мужчин окружив ее, пытались успокоить, не плачь мама, уже все позади скоро будем дома, все тебя ждут, мы так соскучились по тебе.

– Не плачь Ася, ты нашлась, и мы летим домой, самое главное ты жива и здорова – уговаривала ее сестра сквозь слезы.

– Ну, тетя Ася, что за слезы? Теперь-то зачем плакать/ – Говорил басом четвертый мужчина, – сдерживая слезы.

Залетевший в вертолет вместе с ней сокол, заволновался, сел ей на плечо и попытался заглянуть в глаза, что-то бормотал при этом.

Женщина подняла заплаканное лицо.

– За прошедшие пять лет, я плачу всего второй раз.

* * *

А началось все банально, пять лет назад, в небольшой деревушке, библиотекарша Аксинья, в народе особенно для детей, просто тетя Ася, забежала в магазин попросить продукты в долг до полочки.

– Лариса, дай пожалуйста в долг, скоро полочку дадут, а дома сейчас «шаром покати»... не сахара, не круп, ничего.

– Тетя Ася, ты только сразу принеси ладно, а то у нас скоро ревизия.

– Ну, куда я денусь, конечно принесу.

Набрав полную сумку продуктов чая, круп, масло собралась уходить.

– Тетя Ася возьми бутылку пиво.

– Да не люблю я его, а Василию нельзя, он недавно закодировался от алкоголизма.

– Ну, угостишь кого-нибудь, мы тебя всегда выручаем, а тебя сроду не уговоришь взять что-нибудь, считай это нагрузка за то, что я тебе в долг дала.

– Ну, давай, – скрывая досаду, Аксинья сунула бутылку в сумку и вышла из магазина.

Все! Судьбу не изменишь «Аннушка в лавке купила растительное масло», так вроде сказал Булгаков в своем «Мастере и Маргарите».

Аксинья с мужем Василием Ивановичем Латышевым приехали жить сюда тридцать с лишним лет назад, приехали больше из-за того, что понравилось название деревни Ключи. Василий – мужик тихий, спокойный, большой любитель выпить, особой прытью не отличался, работы никакой не чурался, вроде мог все и машину водить и на тракторе работать, безотказно

шел помогать всем кому сено привезти, солому, дрова помочь заготовить, зачастую за чужими заботами, забывал, что своя семья тоже ждет, когда он вспомнит о них, что домой тоже нужны и дрова и корма.

Придя домой, Акси́нья стала разгружать сумку. Пиво. Подержала в руках, прочитала название. «Хлебнуть что ли? Где-то у нас «открывашка». Взяв в руки «открывашку» и бутылку, пошла в горницу, забралась с ногами на диван. Хорошо, окна большие, вся улица и все соседние дома, как на ладони.

Конец мая, картошка посажена погода «обалденная» как молодежь выражается, ребята уже всю купаются, из речки не выгонишь.

– Так, на днях нужно съездить на базар и купить цыплят, гусят, хорошо хоть получку перестали задерживать, тетя Маруся отдаст деньги за телевизор, старый ей продали, себе новый взяли в кредит. На цыплят этих денег хватит. – Размышляя обо всем, не забывая в то же время наблюдать за улицей, Акси́нья открыла бутылку. Крышка со звоном полетела на пол, покружилась, упала, она нагнулась поднять ее, что-то там написано. «Путевка в Австралию».

Акси́нья, когда волновалась, начинала ходить. «Путевка в Австралию». «Путевка в Австралию». «Путевка в Австралию».

– Поеду! Если это правда, если действительно можно съездить и посмотреть Австралию бесплатно, почему не поехать? Это не больше, чем на десять дней. Сегодня у нас суббота должен приехать младший сын Николай. Николай жил в Челябинске, учился в институте. Двое старших один за другим, получили высшее образование, обзавелись семьями и остались жить в городе.

– Поговорю с Николаем, пусть расскажет братьям, пусть узнают «когда, что и как», и я смогаюсь в Австралию. Мир посмотрю.

Рассудив все это, Акси́нья принялась готовить обед и хлопотать по дому.

Вечером, дождавшись, рейсовый автобус, на котором сын приезжал из Челябинска, рассказала Николаю, как зашла в магазин, как ей бутылку пиво дали в нагрузку и что она нашла под крышкой.

– Коля узнай, пожалуйста, правда можно поехать по путевке, пиво-то наше Челябинского Пивзавода, если это правда, я поеду в Австралию, хоть мир посмотрю. Я вижу, что ты сам не против поехать, пойми меня правильно, мне для вас ничего не жалко, сам подумай, я сегодня, завтра пойду на пенсию что я видела кроме своей деревушки, а у вас вся жизнь впереди вот закончишь институт весь земной шар объездишь.

– Мама, да не расстраивайся так, мы разве против? Поговорю с Артемом и Андреем, позвоним на пивзавод, если они не пошутили, будет тебе Австралия.

Через неделю приехал Артем.

– Мама, где твой паспорт. Заграничный делать будут, в пятницу подъезжай. Пассажирский самолет, в котором летит группа туристов, вылетает из Челябинска в пятницу 13⁰⁰.

Акси́нья растерянно посмотрела на сына.

– Что так быстро то?

– Да мама быстро. Мы позвонили на пивзавод, нас пригласили приехать. Проверили, записали твои данные с наших слов, сказали «везите паспорт сами, сделаем заграничный», а через день уже сообщили в какой день самолет. Все, мама, делается быстро у тех, кто хочет иметь постоянный успех. Да, кстати, про тебя еще и в газету напишут и сфотографируют, реклама, мать, реклама. Деревенская баба покупает бутылку пиво и выигрывает путевку, знаешь сколько народу кинется покупать это пиво.

– Артем, а что нужно взять с собой?

– Я тут привез список, постарайся уложиться в него и не забывай, что ты едешь отдыхать.

– Хорошо я тут себе бирюзовый брючной костюм купила, одену в дорогу, он как раз хорошо подойдет.

- У тебя обувь-то есть подходящая.
- Только туфли и галоши, вчера купила, не одевала еще – пошутила Аксинья.
- Ну, еще что-нибудь выдумай!

– Да пошутила я, представляешь, в Австралии, в резиновых галошах в новеньких черных блестящих, ни у кого нет, а у меня есть, да кстати, женщина вещи покупает в двух случаях когда ни у кого нет и когда у всех есть, и я в этих блестящих галошах фланирую туда-сюда все внимание на меня, все бегают за мной восхищаются, остальным завидно, просят «продай, продай», устраиваю аукцион 300 долларов! Лес рук. 500! 600! 1500! Красивая дама шепчет на ухо что-то толстому мужчине, тот 3 тысячи долларов, Три тысячи раз, три тысячи два, три тысячи, три. Продано!

Дама в белом платье, усыпанном бриллиантами скидывает с ножек своих прекрасных, позолоченные туфельки, залезает в черные блестящие галоши и прохаживается, все в восхищении до чего она хороша в этих галошах, она благодарно, нежно целует своего толстячка, и я такая богатая, еду домой, богатая, радостная. Австралию посмотрела, деньги заработала. И жить хорошо, и жизнь хороша.

Пока Аксинья сыну рассказывала и демонстрировала свои шуточные фантазии, Артем хохотал до слез.

– Хватит, мама, пары две легкой красивой обуви мы тебе купим и еще спортивный костюм. Хорошо, что ты у нас аккуратненькая, конечно не мешало бы немного живот подтянуть и талию обозначить. Ты уж мать раз собралась, не вздумай отказаться. Василий спокойно наблюдавший за разговором сына и жены произнес

– Я тоже хочу в Австралию, с тобой.

– Это просто невозможно, путевка только одна, на вторую у нас просто нет денег, а помнишь, ты вместо меня уже ездил отдыхать, когда мне с работы дали бесплатную путевку по Волге на пароходе отдыхать, тебя тогда, больше полмесяца дома не было, а я еду всего на десять дней. Да и корову, и хозяйство, надо на кого-то оставить. Картошка даже взойти не успеет, я уже буду дома.

В аэропорт провозахать приехали все дети. Артем и Андрей с женами младший Николай, Артем привез ребятшек своих Максима с Аленой.

Андрей изображал бывалого фотографа, как бы не шутили, для семьи это было событие, «давайте я вас сфотографирую» и вспомнив, как суетился фотограф в рекламном агентстве, шуточно говорил: – «Встаньте пожалуйста так, а теперь так, ах вы забыли улыбнуться, голову, голову держите, улыбка должна быть счастливая на все лицо».

– Здравствуйте, Аксинья Миндияровна громко произнес женский голос – вы куда-нибудь летите или провожаете кого?

– Здравствуйте, Татьяна Сергеевна, да вот по турпутевке в Австралию. А вы что, тоже куда собрались?

– Нет, мы с мужем дочку провожаем, тоже в Австралию, летят, на гастроли. Они на фестивале народных танцев заняли призовое, место и вот теперь катаются. В поселок Ларино три года назад приехал молодой хореограф Юрьев Виталий Сергеевич и на базе самодеятельного кружка «Кулахтиночка» сумел создать прекрасный ансамбль народных танцев, сохранил название «Кулахтиночка».

Аксинья знала его по семинарам, в районе, куда собирали всех культработников, кого похвалить, кого поругать в основном поделиться опытом, пусть хоть эти люди работающие во дворцах культуры в деревенских клубах не забывали, что перестройка это безвременье когда-нибудь кончится, а исторические ценности и народные традиции нужно сохранить.

Людмила Ивановна Новикова заведомо культуры, умница, все время говорила

– Вы стоите у истоков, к вам приходят и дети и взрослые, пусть они помнят свои истоки, не забывают традиции предков, это безвременье кончится, а свет души должен остаться.

– Виталий Сергеевич, – обратилась к нему Акси́нья после традиционного «Здравствуйте». – Сфотографируйте, пожалуйста, нас всей семьей.

– Ну что ж, давайте, всегда рад стараться. Так, внимание сюда, сейчас птичка вылетит. Возвращая фотоаппарат, Юрьев поинтересовался.

– Акси́нья Миндияровна, не бойтесь лететь в такую даль на самолете.

– Нет, не боюсь, ни одна же я лечу.

Объявили посадку. Акси́нья, попрощалась со всеми, обняла Максима с Аленой. Максим обнимая бабушку, сказал:

– Бабушка возвращайся скорей, мы в деревню поедem на все лето.

– Я недолго Максим, скоро вернусь, я обязательно вернусь.

И вдруг до тошноты расхотелось ехать, далась ей эта Австралия, надо было деньгами взять стоимость путевки и «напокупать» всем подарков, и радоваться оттого что кто-то радуется рядом с тобой.

А ноги уже сами несли, вслед за пассажирами, спешащими на посадку в самолет.

Акси́нья последний раз оглянулась назад, сыновья перехватили ее какой-то растерянно-потерянный взгляд.

– Черт, не надо было ее отпускать – воскликнул Андрей – что-то ребята мне «поплохело».

Побледневший Артем одернул его:

– Ладно, не каркай, я уже справки навел, экипаж сплошь старые закаленные летчики, гид опытный уже много лет туристов сопровождает именно по этому маршруту, с ним тоже переговорил, обещал присматривать особо.

– Поехали домой – позвал Коля, когда самолет скрылся от глаз, – будем надеяться, все будет хорошо.

В салоне самолета соседкой Акси́ньи оказалась молодая красивая женщина. Радостно-возбужденная, в предвкушении интересного отпуска, она повернулась к Акси́нье.

– Меня зовут, Люба.

– А я, Акси́нья Миндияровна, можешь звать просто, тетя Ася, меня дома все так зовут.

– Вам не страшно лететь?

– Нет, я же здесь не одна, знаешь, у одного моряка спросили, тебе не страшно выходить каждый раз в море, у тебя дядя утонул, отец утонул, на что он ответил, а вам, как? Не страшно каждый вечер ложиться спать в кровать. Ваш дед умер в кровати, ваш отец, умер в кровати.

Посмеявшись над притчей, они стали наблюдать над проплывающей под крыльями самолета землей. Сверху все кажется очень красивым, аккуратно ровно очерченные поля, четко обозначенные линии дорог, белая кипень цветущих садов. Устав тянутся из-за Любы к иллюминатору, Акси́нья незаметно уснула.

* * *

Проснулась оттого, что солнце ярко светило в глаза, жарко. Поднялась на ноги.

– Где я? – Она стояла на берегу моря впереди до самого горизонта море, волны с тихим шелестом накатывают на песок, она оглянулась назад, там высокие деревья по всему краю берега, и никого, ни единой души. – Я же вроде летела в самолете. Что случилось? Самолет потерпел аварию, тогда где остальные? Я что, выпала прямо с самолета и не ушиблась, не поранилась? – Акси́нья растерянно потрогала руки ноги.

– Мне все это снится, или самолет приснился? – Мысли вихрем пронеслись в голове, казалось, одновременно возникают сразу несколько вопросов, Ася вертела головой в надежде увидеть еще кого-нибудь. Вокруг было тихо тепло и пусто.

– Я сплю, и мне снится сон. – Попробовала себя укутить, ущипнуть, больно, вроде не сплю. Оглядела себя, костюм сухой, руки целы, ноги целы. Обхватив голову руками, уста-

вилась в море, тишина, никого, только море. И сзади лес. Если самолет потерпел аварию и сел где-нибудь, значит, люди здесь должны быть, а если он упал в море и утонул. Почему тогда я не промокла.

Аксинья повернулась в сторону леса. – Люди! Люди! «Ди-ди-ди» принесло далекое эхо.

И раньше случалось, происходило с ней что-нибудь необычное, чему она не могла найти объяснения, но сегодняшний случай, не укладывался не в какие рамки. Перед ней спокойное море мелкие волны ласково накатывают на берег, не корабля не лодки никого. Если самолет потерпел аварию, то его уже должны искать и самолеты и корабли.

Аксинья не знала, что самолет действительно потерпел аварию, что летчики сумели его посадить на одном из пляжей в мелководье в метрах пяти от берега.

Летчики радовались, что сумели посадить самолет, что погода на редкость стоит тихая, что пассажиры ведут себя спокойно без паники, организовали эвакуацию людей на берег.

– Не беспокойтесь, все будет хорошо, все целы, живы и здоровы, помощь вызвали, сюда направляются вертолеты и корабли. Уже светает. – Полусонные пассажиры, спокойно подходили к дверям, где стюардесса следила, чтобы не было толкучки, летчики и молодые здоровые мужчины принимали людей и передавая из рук в руки, доводили до сухого места, – не беспокойтесь все будет хорошо помощь уже идет.

Стюардессы и техники по обслуживанию самолета, обошли весь самолет, заглядывая во все углы и закоулки, чтобы не пропустить и не оставить ни одного человека.

– Больше никого нет.

Утром во всех новостях по радио и телевидению пришло сообщение, что самолет потерпел аварию, не долетев до Австралии, что люди живы и здоровы, что подробности в вечерних новостях.

Вечером братья, собравшись вместе, кое-как дождались сообщения. В новостях показывали, как забирают людей с острова и стоящий в воде самолет. Репортер сообщила, – Все живы и здоровы, кроме одной туристки Латышевой Аксиньи Миндияровны. Ее исчезновение никто не может объяснить. Стюардесса говорит, что она помнит эту женщину в бирюзовом костюме, она во время эвакуации пассажиров подошла к дверям, остановилась и пропустила вперед свою соседку рядом с которой сидела. Да вот и она.

– Что вы можете сказать, об исчезновении вашей соседки Латышевой Аксиньи?

– Ничего – ответила та, – мы толком даже познакомиться не успели, только назвали друг другу имена и все. Да, во время эвакуации, когда мы подошли к дверям, я шла сзади нее, она повернулась ко мне и сказала, «проходи Люба», только взгляд у нее был странный, как будто она спит с открытыми глазами, а все делает машинально.

Картинка сменилась, диктор новостей бодро объявила, – Поиски продолжаются, будем надеяться, что Латышева Аксинья найдется живой и здоровой, и на этом она переключилась на другие новости.

* * *

На другой день приехал отец на своем «жигулёнке».

– Батя, не расстраивайся ты так сильно, найдется мама, будем надеяться, что с ней ничего не случится, что она жива и здорова.

Василий в сердцах произнес:

– Это с ней-то ничего не случится, да ее из дома нельзя выпускать, вечно из-за своего любопытства в какую-нибудь-то историю вляпается.

– Не знаю батя, сколько помню, с мамой никогда ничего плохого не случается, пока же еще не сообщили, что ее нет в живых.

* * *

Аксинья впоследствии не могла, не вспомнить, не объяснить, как она провела на острове первые три дня. Она была слишком потрясена случившимся, помнит только, что боялась отойти от берега. Все ждала, что сейчас вот сейчас появится самолет или вертолет, приплывут люди на катере, на корабле на чем угодно, ну ведь ищут всегда потерпевших. К концу первого дня, обогнув песчаную косу, увидела бухту, узкий не глубокий пролив соединял океан с бухтой.

Недалеко от пролива с левой стороны в бухту впадала небольшая речушка, она прошла туда попить воды, вода пресная, мысли были заняты ожиданием появления спасателей, поэтому речка, оказавшаяся поблизости не удивления, не радости у нее не вызвала. Попив воды, опять вернулась на прежнее место, а вдруг кто-нибудь появится тут ее хорошо видно и со стороны океана, и с неба.

Пошел третий день пустого ожидания, после полудня погода начала меняться, потянул небольшой ветерок, волны стали выше и чаще накатывать на берег. Аксинья направилась в сторону бухты, напилась воды, постояла на берегу.

– Пойду вдоль берега речки, может выйду на какое-нибудь поселение.

Обходя густые заросли, стараясь не терять речку из вида, она шла вверх по течению вдоль берега.

Часа через два остановилась передохнуть и осмотреться. По правую руку, от нее текла река, перед ней была роща, густо заросшая травой. Вдоль берега почти на одинаковом расстоянии друг от друга росли апельсиновые деревья, если на ветках ни висели бы зрелые плоды, Аксинья ни за что не догадалась бы что это апельсиновые деревья. Она почувствовала, как сильно она проголодалась, что уже третий день ничего не ела. Может это сад, чей то, а вдруг собака сейчас выскочит, прислушалась, тишина.

Только шелест листьев, журчанье речки и голоса птиц. Подошла к дереву и громко произнесла.

– Здравствуйте, можно я «апельсинку» сорву.

Прислушалась, только птичка взлетела над деревом, посмотрев на Аксинью удивленно чирикнула и исчезла в листве. Прислушалась, не откликнется ли кто-нибудь, может собаки залают на чужой голос.

Тишина, никого, вздохнув сорвала несколько апельсинов и на ходу их съев, продолжила свой путь. Теперь она шла медленнее, разглядывая рощу, стараясь не терять из виду речку. О тут еще и виноград растет, – сорвала кисть винограда, на ходу поедая ягоды отправилась дальше. Виноград – думала она мелкий по сравнению с тем, что в наш магазин привозят, зато очень сладкий.

Апельсиновая роща тянулась километра полтора, а может и больше, речка становилась все уже и уже. Когда кончилась роща, открылась большая поляна, поросшая густой низкой травой на противоположном краю поляны высились небольшие горы, речка превратившаяся в ручеек, блестя и переливаясь на солнце, струилась от горы.

За речкой посреди поляны выросло дерево, какое оно необхватное, мимоходом подумала она, я таких деревьев не видела никогда.

Сейчас поднимусь на гору, может где дым увижу, а может поселение какое. С этими мыслями Аксинья заторопилась к горе. Ручей, обогнув гору, уткнулся к подножию следующей горы. Она не пошла дальше за ручьем, стала взбираться на первую же гору.

Гора поросла редким мелким кустарником и низкорослой травой, взобраться не составило большого труда.

То, что открылось ее глазам, повергло ее в шок. Она находилась на острове, ни о каком поселении, или о проживании здесь людей не могло быть и речи, с горы как на ладони про-

смаатривался весь остров. Кругом, до самого горизонта, больше никакой земли, никаких островов, нет даже торчащих из воды скал, одна вода.

Вот апельсиновая роща, по краю которой она прошла, дерево, такого огромного она еще не видела не разу за всю жизнь, на противоположном краю высится каменная скала, отсюда она кажется черной, машинально отметила про себя Аксинья, скала высокая заканчивается остро-конечным шпилем. Речка, где то километра четыре длиной, посередине острова на северном краю гора, повыше будет, чем – та на которой я стою. Недалеко от этой горы, что-то блестело в лучах солнца, вода наверное, может лужа какая. Возле этой воды на поляне кто-то пасся, вроде козы отсюда их не видно, они белые.

И тут на нее напал хохот, она где-то умом, понимала, что это обыкновенная истерика, что весь этот смех просто шок от увиденного. Внезапность кошмара не дает осознать всю глубину бедствия и собственного горя.

Отсмеявшись, Аксинья, еще раз оглядела остров и громко произнесла.

– Здравствуй Австралия! Я Аксинья Миндияровна Латышева деревня Ключи Челябинская область. Россия. Прошу любить и жаловать, я тебя так хотела увидеть.

Еще раз, окинув взглядом остров, океан, она села, обняла колени и долго бездумно сидела, единственное, что вертелось в голове: «не плакать, не плакать».

День давно перевалил на вторую половину, просидев еще какое-то время, спустилась с горы и направилась к берегу, ставшему более-менее привычным за эти два с половиной дня. Пока дошла до берега день начал клониться к вечеру, море шумело, с шумом сердито бросала высокие волны на песок, и с шипением откатывалось обратно.

На берегу что-то темнело и шевелилось, Аксинья подальше державшаяся от воды, опасаясь высоких волн, бегом кинулась к этому предмету. Сердце казалось подкатило к горлу и отчаянно билось, боясь обрадоваться впустую, вдруг это человека море выбросило на берег.

Когда она подбежала, то увидела огромную рыбу, которая билась на песке, видимо надеясь вернуться на берег. Аксинья побоялась близко подходить к ней, но волны не достигали ее, то ли она откатилась вглубь, когда сильная волна ее принесла, то ли море начало успокаиваться, но видно было, что самостоятельно она уже в воду не попадет. Держась на расстоянии, обошла вокруг.

Это дельфин, я видела их в кино и на картинках. Как же ее столкнуть в море? Пусть бы она перестала биться. Рыба успокоилась, словно услышав мысли Аксиньи. Она подошла, попробовала ее толкнуть, ничего не получилось. У меня сил не хватает. Оглянулась вокруг, что же делать, принесла три круглых отшлифованных морем булыжника, подкатила к спине, сколько смогла приподняла и подоткнула булыжники под спину дельфину, мышцы дрожали от напряжения, погладила дельфина.

– Сейчас я постараюсь тебя столкнуть с камней и катить как бревно, ты мне помогай не останавливайся. Поняла рыба Аксинью или нет, но когда она уперлась ногами в песок и стала переворачивать ее, та перевернулась и покатила, Аксинья изо всех сил спешила толкая ее, лишь бы она не успела остановиться, потом краем глаза увидела, как большая волна накатывает на берег, без оглядки бросилась в сторону от моря, волна окатила ноги, Аксинья упала, но волна уже откатилась обратно. Она соскочила на ноги и повернувшись к морю, увидела как уносят дельфина волны.

На какой-то миг забыв, что одна на этом острове, что скоро наступит ночь, подходит к концу третий день, что кроме кисти винограда и трех «апельсинок» ничего не ела, Аксинья радовалась. Лицо ее осветилось радостью, может оттого, что кому-то сумела помочь.

Потом видимо вспомнив, где она находится, обвела взглядом, берег, море, небо. И так, скоро ночь, сумерки здесь не такие долгие, как у нас на Урале, чуть-чуть и сразу падает ночь.

Главное для меня сейчас не бояться и не плакать. Как же я попала сюда? Как? Почему одна? У меня же ничего нет. И неожиданно для себя, глядя далеко в море, громко сказала:

– Завтра к утру вещи мои должны быть здесь! И еще я есть хочу, пусть хлеб тоже будет. На ночлег устроилась между корнями большого дерева над речкой, где провела первые две ночи.

Потрясение последних дней, усталость сказались, она мгновенно начала проваливаться в сон, успев сказать себе, все остальное я буду думать завтра.

Утром проснувшись, полежала немного, восстанавливая в памяти события прошедшего дня. Умылась, пошла на берег океана, издали заметила, что на берегу что-то есть, подбежав, увидела на берегу сумки, баулы, оттащила их от воды подальше, тут были два китайских клетчатых баула, мягкие вещи наверно. Большая дорожная сумка, очень тяжелая, ее сумочка с документами, вторая ее сумка, а где моя сумка с вещами, недалеко лежала еще одна дорожная сумка поменьше, чем первая.

Аксинья первым делом, стала искать, что-нибудь съестное, в моих сумках съедобного нет, «я же ехала на полное довольствие» – горько подумала она, эти сумки слишком мягкие, вот в этих двух дорожных сумках что-нибудь может быть. Аксинья открыла большую сумку, там лежали какие-то коробки, бумаги, она застегнула его обратно. Расстегнув замок второй сумки, она радостно воскликнула «слава Богу». Сверху лежали два батона, в пакетах домашние пирожки и булочки, несколько банок консервов, две пластиковые бутылки, одна с минеральной водой, вторая с газированной. Отломив кусок батона, запивая газированной водой, Аксинья позавтракала. «Вишня» прочитала она на этикетке «Власов ключ», почти-что из дома. Кто бы это мог положить? Вспомнила, наверно, одна из сердобольных мамаш дочку в дорогу собирала. Хороший руководитель пришел в «Кулахтиночку», оживил угасающую самодеятельность, вывел «Кулахтиночку» на фестивале в призовые, и сейчас они мотаются по гастролям, сколько стран повидали. Видела я их выступление, каких только танцев там нет, русские народные, цыганские, танцы народов Кавказа, даже северных народностей и все это очень красиво, радостно, светло, а может это просто молодость. Интересно где они сейчас, живы ли? И как я сюда попала?

Поблагодарив незнакомую женщину за хлеб за соль Аксинья, принялась перетаскивать вещи на ставшее привычным место.

Когда пришла за последней сумкой подумала: «Вот дура, надо было просить МЧС вызвать или чтоб спасатели приехали, а не вещи подкинули». Беспомощно оглянувшись на море, подумала: «Боже мой, я когда-нибудь поумнею или это уже неисправимо».

А на этот раз я проделала то же самое что царевна-лягушка, которая вышла на крылечко и сказала: «Мамки-няньки собирайтесь к утру испеките пирог, сшейте рубашку, сотките ковер невообразимой красоты и спокойно пошла спать, утром отдохнувшая веселая взяв готовые подарки поехала на бал к царю. После застолья махнула левым рукавом появилось озеро, махнула правым рукавом поплыли лебеди. Понятно, что там не было не лебедей не озера, иллюзионистка, блин, хороший у нее был учитель, а она прилежная ученица, не то что я, два года училась у Золотова, потом пять лет разбиралась дома, чему же нас учили».

Кончив перетаскивать вещи села отдохнуть, обдумать создавшееся положение.

«Что же я имею?! Необитаемый остров. Четвертый день пошел, нет ни одного корабля, ни самолетов, значит остров лежит не на мореходном пути».

Значит, если меня и найдут, это будет невероятно счастливая случайность. Тогда вопрос: «Когда это произойдет: завтра, через год, через десять лет, никогда»?!

Ну что ж, Робинзон Крузо на необитаемом острове провел 28 лет, но у него был целый корабль, который он перетаскивал на остров, надолго обеспечив себя питанием, вооружением, одеждой.

Том Хенкс, герой фильма «Изгой» провел на необитаемом острове четыре года, выжил, построил плот, вернулся домой, сумев сохранить в себе человека, но у него был очень тяжелый

случай, его выбросило на голые каменные скалы, Черданцев говорил у человека должна быть сверх-цель и цель ведущая к сверх-цели.

Я хочу домой, внуку Максиму обещала, что я обязательно вернусь. Я вернусь домой. Значит мне нужно сохранить ясность ума, помнить всех и все, не на секунду не терять надежду, и верить что вернусь обязательно, я знаю, что я частичка вселенной, нас учили вселенная никогда не оставит свою частичку без помощи.

Верить, помощь придет, ничего не бывает на свете случайного, значит кому-то или чему-то нужно: посмотреть выживу я на этом острове или нет. Главное, когда вернусь, чтоб моим детям не было стыдно за меня.

Теперь надо подумать, на что я буду жить. Как на что? А здесь денег не надо! Вот здорово! Уже один плюс есть!

Дожила, теперь буду сама с собой разговаривать, сама с собой смеяться, шутить. Акси-нья, человек коммуникабельный, так говорят про таких. Общительный, легко подхватывала любую шутку. Могла посмеяться над собой или над своими нелепыми поступками, ей это ничего не стоило.

Потом вернувшись домой, анализируя свою жизнь на необитаемом острове, она будет говорить, что ее спасло чувство юмора и бесконечное любопытство. Значит, денег не надо, всего что в сумке хватит на неделю. Созрели апельсины, есть виноград, речка набита моллюсками. На острове есть козы, видела, но это сложный не сиюминутный вопрос, как еще с козами получится, при благоприятном стечении обстоятельств буду с молоком, на горе куча птиц, значит, найдутся яйца, пресной воды целая речка. Бедный Том Хенкс, он не мог даже мечтать об этом.

Так с питанием вопрос теоретически решен, а дальше как уж будет складываться. Главное не забывать, что я здесь, – не хозяйка.

Взяв две легкие сумки, свою и с продуктами, Акси-нья направилась в глубь острова, повторяя пройденный путь вдоль речки, мимо апельсиновой рощи. Теперь она, шла медленно, разглядывая все на своем пути, стараясь запомнить все, что встретиться.

Травы и деревья совсем другие. Я им названия-то не знаю. Когда открылась поляна перед горами, Акси-нья остановилась в раздумье идти к горам или к этому огромному дереву. Выбрав дерево, перешла вброд реку, где меньше было раковин, дно песчаное, вода здесь достигает колен, по дну медленно передвигаются моллюски, в своих домах раковинах оставляя узенькие полосочки следов, дно все исписано этими следами-полосками.

Вот это дерево! В жизни не видела ничего подобного.

Как у Пушкина в сказке

У Лукоморья дуб зеленый

Но этот дуб всем дубам дуб, хотя листья не такие как у дуба, у нас в Барановке растут дубы, но там даже близко нет, такого огромного дерева. У этого дерева были узкие длинные листья, словно у ивы. А может это «Анчар». Пушкин знал все, но это не Анчар, здесь полно птиц, а Анчар как известно у Пушкина рос в пустыне один и был весьма ядовитым деревом.

Акси-нья шагнула к дереву и остановилась от чувства, что резко наступила тишина, удивленно повертела головой, прислушалась, действительно тихо. Ни чирикания, ни щебета птиц все словно замерло, потом небольшая птичка пролетела перед лицом Акси-нии, что-то чирикнула и вернулась на дерево. Тут же загомонили птицы, то взлетая, то опускаясь на ветки, дерево словно глубоко вздохнуло или просто ветерок прошмыгнул зашелестев листьями. Легко пройдя под растянувшимися метра на три ветвями, Акси-нья увидела дупло, заглянула внутрь, вполне большое отверстие можно спокойно заходить, на противоположной стороне узкая щель в полметра. Видимо когда-то давным-давно молния пробило дерево и образовалось дупло по мере роста дерево дупло расширялось, получилась удобная для жилья площадь с окном и дверью, «сквозняк наверно хороший» машинально отметила про себя Акси-нья. Дупло

внутри плотно застелено залетевшими сухими листьями, огляделась: света хватает букашек, таракашек не видать видимо птицы потрудились. Лучше конечно жить на берегу, вдруг какой катер или корабль появится, но там негде укрыться. Осталось перенести еще два баула и эту тяжелую сумку.

– Моей сумки с вещами нет. А здесь у меня что? Резиновые галоши новенькие блестящие. Как Василий психовал из-за них, а она все равно тайком положила их в сумку. Ножик! Молодец – похвалила себя Аксинья – очень нужная вещь, ложка, вилка, целая упаковка спичек, десять коробок! Мне повезло, больше чем герою Том Хенкса. Два полотенца большое и маленькое, мыло зубная щетка, паста, документы. Все, и то неплохо. Освободив сумку, пошла за оставшимися вещами. По пути сорвала кисть винограда.

Сейчас тяжелую сумку унесу, потом вернусь за баулами.

Аксинья расстегнула замок у большой тяжелой сумки. Сверху лежала толстая книга «Сборник анекдотов». «Океан великий» – воскликнула она – ну и шутник же ты. Конечно, эта книга самая нужная вещь для терпящих бедствие. Потом вытащила органайзер Юрьев Виталий Сергеевич 1970 года рождения 1 апреля, телефоны адреса визитки, календарь дальше лежали еще какие-то документы, несколько общих тетрадей, перелистала чистые, три инкрустированные под золото, а может золотом футляры, с ручками «Паркер».

– Это что? Мне нужно записывать, как я буду выживать на этом острове? Разговаривая сама с собой, задавая невесть кому вопросы, раскладывала вещи в две сумки. А это что в коробках? «Будильники» – наши механические, аж десять штук, в подарок он вез их, что ли? Ну теперь у меня с временем проблем не будет. В сумке оставалась еще одна коробка.

– «Ну это, точно подарок», – разглядывая красиво оформленную коробку, решила Аксинья.

– Внутри коробки лежал серебристо-серый костюм, сапоги на каблуках, расшитые серебристым узором колготки, короткое платье с длинными прозрачными рукавами, широкий пояс с вышитыми на пряжке инициалами «У» и «Д» сзади на прозрачной короткой накидке тоже были вышиты эти латинские буквы «У» и «Д». И головной убор. Все исполнено в серебристо-серых тонах. Красота-то какая! В таких костюмах обычно дрессировщицы выступают. Аксинья аккуратно сложила все обратно в коробку, и убрала в сумку. Буду дома, верну ему этот костюм, если он жив.

К вечеру все вещи были перенесены в дупло. Выкупавшись, доела «консерву» с пирожком, и легла спать.

Проваливаясь в сон, поблагодарила Большое дерево за приют.

Спасибо тебе Большое дерево за приют.

Мира и покоя тебе и мне.

Мира и покоя всему живому вокруг меня.

Мира и покоя всему живому и всем живущим на Земле.

На другой день продолжила разбирать баулы. В одном из них мужские шаровары и рубахи-косоворотки, а во втором сарафаны и блузки. И там и тут лежали лапти и носки, все выдержано в старинном русском стиле, вышитые пояса, ленточки. Здесь же были наборы ниток и иголок, небольшое зеркало, косметички, а вот теплых вещей нет, огорченно произнесла она.

Сарафаны и блузки я носить не смогу, они 46—48 размер, а вот рубахи будут как раз по мне, все-таки я ношу 50—52 размер.

Интересно где сейчас «Кулахиночка», если они живы, они и не подозревают наверное, что все их костюмы целы и невредимы.

Надев носки и лапти Аксинья оглядела свои ноги, конечно они сделаны для сцены, посмотрим как долго выдержат, а вслух произнесла

– И истоптала она девять пар каменных башмаков и съела она девять каменных хлебов и износила она девять каменных посохов, пока нашла своего любимого. Любимого, не любимого, я хочу домой.

Переделалась в ярко синюю рубаху, подпоясалась узорчатым поясом. Аксинья заторопилась на гору, вдруг кто-нибудь появился на горизонте, да и осмотреться надо повнимательнее. По пути собрала сухой хворост, «буду собирать для костра, если вдруг что-нибудь вроде корабля или самолета появится, дам сигнал». Горизонт был чист, нигде и никого, только бескрайнее море со всех сторон: «а может на всем земном шаре кроме меня, и этого острова ничего уже и нет? Только вода, вода. Домой хочу».

На берегу речушки лежало упавшее дерево, видимо сильный ветер, повалил его, половина корней торчало на верху, а вторая половина уцепившись за землю продолжало его питать и оно даже сваленное было покрыто густой листвой, Аксинья умывшись, постояло бездумно на берегу, наблюдая, как двигаются раковины по песчаному дну речки оставляя за собой тоненькие полоски следов. Разожгла небольшой костер, благо сухих веток вокруг хватало, ямку для костра устроила на месте вырванного дерева, там земля еще не успела зарастить травой, когда остались угли, поставила банку с водой, растворив кофе из пакетиков, позавтракала горячим кофе.

Чем же я буду заниматься здесь? Без конкретного дела можно и с ума сойти. Взяв тетрадь с ручкой, опять поднялась на гору, по пути собирая сухой хворост.

Залезла на среднюю гору, теперь уже огляделась повнимательнее.

Средняя гора самая высокая их здесь всего семь, четыре горы со стороны моря полукругом окружают три горы, средняя из них на которой стояла сейчас Аксинья самая высокая. Эти горы буду называть «Семь братьев». И речка Тихоструйная течет, на следующей горе видна пещера. Туда я пока не пойду, а вдруг там «во тьме печальной, гроб качается хрустальный», не буду пока пугать себя. Если ориентироваться по солнцу «Семь братьев» находятся на западной части острова, остров тянется с запада на восток, прямо напротив, на востоке Черная скала. В северной части и южной части большие пляжи. Утром на другой день, взяв один из будильников направилась на северный пляж, с горы он казался ровнее и больше, чем южный и действительно, классный бы пляж получился. Ровный песчаный берег занимал большое пространство. Воткнув колышек в песок, Аксинья стала ждать момент, когда от колышка совсем не останется тени, чтобы подвести часы. Посмотрев на тень от колышка, решила, время еще есть, отправилась осматривать берег, две хорошо утопанные тропинки спускались к морю, рассматривая следы, она не увидела кроме козых никаких других следов. В конце пляжа наткнулась на небольшую поляну заросшую ромашками, они так густо росли, словно белое облако покрыло землю на этом месте. Ромашки, ромашки как дома, и легче стало Аксинье на душе как будто тепло родного Урала, ромашки с собой принесли.

Солнце припекало, дождавшись, когда от колышка совсем не осталось тени, Аксинья стрелки поставила на 1200 и завела часы.

Я вылетела из дома 28 мая, а 29 мая оказалась на острове, три дня жила на берегу. Значит, 1 июня переселилась внутрь острова, дерево стало домом моим. Остров пространством обитания.

Пирожки кончились, батон и булочки нарезала тоненькими ломтиками ем в день по два кусочка, беру яйца на горе у птиц. Они меня не боятся, беру где гнезда открытые, запаренные еще, слава Богу не попадались. Основное питание в апельсиновой роще. Кроме апельсин и винограда там еще растут дыни, помидоры мелкие, но очень вкусные, вкус совсем другой, нежели чем дома, ягоды вроде клубники, очень крупные, сладкие. Может когда-нибудь это был чей-то сад. Надо попробовать моллюсков сварить, пока консервы не кончились потихоньку привыкать к местной пище, читала же я что едят моллюсков. Голода не чувствую, только без теплых вещей по ночам холодно. Хорошо хоть эти костюмы сшиты из натуральных тканей.

Вернувшись домой, в дупло, завела еще одни часы на всякий случай. Когда жара спала пошла к речке за моллюсками. Пока стояла в воде раздумывала «как быть?», три раковины оставляя за собой тоненькие ниточки следов, подошли и остановились в воде возле ее ног.

Вот этих троих и возьму.

Упавшее дерево для нее стало и сиденьем и столом. Удобно устроившись, взяла ножик и стала вскрывать раковины. К стенке раковин прикрепился жемчуг в двух других тоже, только один розовый, а другой зеленовато-голубой.

Выскоблив моллюсков в консервную банку, поставила банку на угли, чтобы лишний раз не тратить спички Аксинья выкопала небольшую яму для костра, потом горящие угли присыпала золой и землей, так чтобы угли не потухали, когда нужно разгребала кипятила чай в банке, варила яйца. Чай кипятила из листьев, клубники, винограда, апельсина, дыни. Разложенные на камнях они моментально высыхали, и получалась отличная заварка, со сладким виноградом и клубникой вполне приемлемое питье.

Аксинья не ожидала увидеть в раковинах кроме моллюсков еще что-нибудь, сложив в ладошку найденный жемчуг, она с удивлением рассматривала их.

* * *

В это время Василий Иванович Латышев приехали к известной во всей округе ясновидящей Татьяне Плюхиной в деревню Воронино. Николаю долго пришлось уговаривать отца съездить,

– Поехали хоть спросим, жива мама или нет, люди же ездят, мама тоже ездила возила свою подругу, когда ту колдуньи чуть не убили. Помнишь, мама тогда сказала, Татьяна настоящая ясновидящая и с большим уважением отзывалась о ней.

Василий Иванович кое-как согласился съездить.

– Ну хорошо, уговорил, только не верю я во все это, – и всю дорогу ворчал, что вот навдумывают люди всякую фигню, а ты теряешь время из-за них.

Возле дома Плюхиной стояли две машины и человек восемь ждали своей очереди.

– Надо же, я думал одни мы такие дурочки.

Кое-как дождавшись своей очереди, они вдвоем зашли домой к Татьяне.

– Здравствуйте, мы из Ключей, Латышевы, мама месяца два назад полетела в Австралию по туристической путевке и не вернулась. Потерялась ли она, как-то непонятно все живы-здоровы, а ее одной нет. Мы бы хотели узнать: жива ли она? если жива когда вернется домой.

– Да я слышала, в новостях рассказывали. Садитесь, сейчас, сейчас посмотрим.

– Ваша мама жива.

– Жива!? Вы ее видите, расскажите что вы видите? – нетерпеливо спросил Коля.

– Она стоит возле речки что-то держит в ладони и рассматривает, лицо у нее такое, как бы сказать нежно-ласковое, так мать смотрит на свое любимое грудное дитя. Одета в мужскую зеленую атласную рубаху.

– Что?! В мужскую зеленую? – Василий Иванович аж подскочил.

– И в лаптях, – добавила Татьяна.

– Как в лаптях? Почему в лаптях? В каких лаптях? – Василий Иванович возмущенно заходил по комнате.

– Почему в лаптях я не знаю? Вы спросили вижу ли я ее, я вам рассказала только то что вижу.

– Подожди, батя, что ты кипятишься, помнишь, потом мы Людмилу Сергеевну встретили в Челябинске, она еще сказала, что потерялись вещи танцевального ансамбля, еще сильно горевала, что лапти сложнее будет восстанавливать.

– А мужчина там не потерялся никакой – ревниво спросил Василий Иванович.

- Да нет, все газеты писали, что одна мама потерялась.
- Скажите, когда она вернется домой?
- Вернется через пять лет, вы сами будете забирать ее.
- Она будет жива, здорова?
- Да она будет жива здорова
- А раньше не получится ее вернуть.
- Нет, раньше не получится.

Попрощавшись, поехали домой, один расстроенный, что жены пять долгих лет не будет, второй успокоенный пять лет это не так много, главное мама жива и здорова.

Порассуждав с братьями решили, что раз они ее будут спасать, значит какое-то сообщение они получают.

* * *

От сваренных моллюсков Аксинья не была в восторге, без хлеба, без соли это разве еда. Вздохнув решила, что с голоду не умрет, зато речка битком набита жемчугом, если во всех раковинах они есть.

Зайдя в дупло, послушала тиканье часов, она завела сразу два будильника. Время знать здесь ей было ни к чему, просто тиканье часов ей напоминало дом и вызывало чувство, что ее ждут.

После полудня направилась на ромашковую поляну, там тоже появлялось чувство дома, то есть что дом ее недалеко, и она в любой момент может вернуться.

Стояла жаркая безветренная погода, посидев среди ромашек, Аксинья пошла в море купаться. Одеваясь после купанья увидела косяк, не то акулы, не то дельфины плыли в сторону берега.

Она, чувствуя себя на берегу в безопасности с интересом наблюдала, что будет. Когда стайка подплыла поближе, стало видно, что это стайка дельфинов.

- Может среди них есть та, которую тогда выбросило на берег.

Она с интересом стала наблюдать за ними, как они играют, выпрыгивают из воды, ходят кругами, плавают наперегонки.

Она окинула взглядом море, горизонт, дельфинов – я смотрю широкоформатное кино – усмехнулась – ну очень широкоформатное.

Одна из дельфинов поплыла к берегу, во рту держала рыбу. Остановилась напротив Аси и с силой выбросила ее на берег. Рыба упала к ногам Аксиньи, и забилась блестя на солнце чешуйками. Аксинья наклонилась и схватила двумя руками бившуюся рыбу и засмеялась.

- «Спасибо» – унесла рыбу подальше от берега в траву и вернулась обратно.

Дельфины подняли головы над водой, и стало слышно щелканье. Если бы это были люди, то я бы сказала, что они рассматривают меня и переговариваются между собой. А рыбу бросила наверно, та дельфиниха, которая тогда оказалась на берегу.

- Аксинья войдя по колено в воду сказала:

- Здравствуйте, меня зовут Ася, – дельфины согласно закивали головой.

– Я здесь недавно и не понимаю, как попала сюда, я хочу домой. – дельфины выслушав ее, опять согласно закивали головами.

Возле дельфинихи, которая бросила рыбу Аксинье, плавал малыш, забавно тычась головой о бок матери. Потом не торопясь подплыл к ней и ткнулся в ноги, Аксинья наклонилась, погладила малыша, удивляясь их доверчивости. Подняв голову, пересчитала дельфинов, вместе с малышом их девять. Они ведут себя совсем-совсем как разумные, наверно и имена у них есть. Может потом, когда-нибудь буду знать, как их зовут.

Аксинья еще долго ходила по воде, не решаясь далеко заходить, наблюдая, как плавают дельфины, играют в воде, малыш то отплывал к дельфинам, то возвращался к ней. Совсем ребенок и мир-то хочется узнать и от мамки страшно отойти.

Потом подобрав рыбу, Аксинья отправилась домой.

Ну вот, у меня появился дом, он живой, у меня появились друзья, правда необычные, зато добрые. А рыбу сейчас запекать в ямке.

Постепенно сложился некий распорядок. Поднималась в шесть утра, умывшись, пожелав всем здоровья и светлого дня, шла на гору, по пути набирая хворост. Куча хвороста на горе росла, надо будет, чтобы издали был виден дым. Бросив очередную охапку на кучу, оглядывала пустой горизонт, уже два месяца я здесь, но ни разу, ни одного корабля, ни одного самолета не увидела. После завтрака шла в рощу набирала фруктов, ягод, о том что это осень почему-то ей в голову не приходило, что за осень придет зима и надо делать заготовки, а может потому, что жила ожиданием, что вот-вот что-нибудь появится и она уедет домой.

Вычеркивая в календаре очередной прошедший день, записывая кратко увиденное, задумалась о своем необычном общении с дельфинами. Аксинья чувствовала, что они ее понимают, понимают буквально каждую мысль даже промелькнувшую мыслишку, они знают ее желание и даже предугадывают. А я? Я понимаю их? Нет. Так слабенько и только ярко выраженные поступки, мне понятны. А дома? Понимала ли я своих братьев меньших. Они меня понимали, что же слышали они от меня, «Куда пошла?! Убери ногу?». Они-то ведь слышат нас и слушаются, особенно лошади и коровы. А когда говоришь, «убери ногу», они отодвигают или поднимают ногу. Так что происходит? Кто разумнее-то? Мы или животный мир? И на какой эволюционной ступеньке развития мы находимся по сравнению с ними.

Аксинья бросила ручку и стала ходить. «На фиг, до чего можно додуматься, и вообще, как я сюда попала? Как? Где самолет? Где наконец пассажиры? Почему я одна? Я хочу домой!».

Аксинья вспомнила свою маму Галибу Фатиховну, та всю жизнь прожив среди русских, так и не научилась толком говорить по-русски, и если что-нибудь не укладывалась в ее голове или было выше ее понимания, она говорила:

– О-о-о, у меня ум не хватает понять все это.

Вот и я ничего не понимаю, ничего. У меня точно ума не хватает понять все это. Дома хорошо, то одна соседка прибежит, то другая, начальство бочку накатить, муж пьяный домой явится, права качать, думать некогда.

На другое утро, осмотрев с горы остров, нашла коз, пора с ними поближе познакомиться, проложила взглядом дорогу до Черной скалы, стала собираться в путь. Поправила волосы под косынку оглядела себя, атласные шаровары, вышитая рубаха до колен в лаптях, а лапти кстати крепкие, умелые руки их делали – подумала Аксинья. Собрав в узелок фрукты два сухарика, пластиковую бутылку с водой – завязала узелок, ну до полноты картины не хватает посошка. Подобрав палку повесила на него узелок и положила на плечо.

– Все, – сказала вслух – Не то Иванушка-дурочок, не то Аксинья-дурочка готова отправиться в путь за три девять земель, за три десятое царство за синей птицей.

И зашагала по козьей тропе, про себя ругаясь и чертыхаясь, Австралию видите ли ей захотелось увидеть. На вот, смотри, получила театр одного актера и одного зрителя и все это в одном лице.

– Ну и что, – сама себе и ответила Аксинья – зато сцена большая.

* * *

А в это время Василий приехал к сыновьям, собрав их, объявил,

– Я, женюсь.

– А как же, мама.

Василий раскипятился

– Австралию ей захотелось посмотреть! Вот пусть и смотрит. Ее наверно давно уж в живых нету. А я как должен жить?

– А ясновидящая сказала, что она жива и вернется, – упрямо тянул свое Николай.

– Все хватит, слушать не хочу, не верю ни в каких ясновидящих, ни в колдунов. Это она все голову забивала всякой ерундой, биоэнергетика, экстрасенсорика, Золотов, человек может все, человеческие возможности безграничны. Ну и где она? Где? Если человеческие возможности безграничны, почему не доказывает, почему до сих пор не вернулась?

Мальчишки молчали, сколько раз они собравшись, рассуждали на эту тему, да самолет потерпел аварию, да все пассажиры на месте, ни у кого не царапины не ушиба, все вернулись домой кроме матери. Ни слуху, ни духу уже столько времени прошло. Ни живой, ни мертвой нигде нет, и никто не может объяснить, как она исчезла.

– Успокойся батя, мы разве против чтобы ты женился, можно мы ее книги заберем и некоторые личные вещи?

– Конечно, конечно – засуетился Василий, – мы разве против, мы совсем не против.

Когда отец уехал, Артем сказал, – «Давайте-ка, ребята, завтра поедem и заберем книги и ее вещи, а то они их выкинут. Мама все-равно вернется».

– А кто сомневается, откликнулся Андрей, – никто не сомневается.

* * *

В это время Аксинья продолжала свой путь, мимо ромашковой поляны вдоль пляжа, до горы возле которой еще не была. Обходя колючки и кустарники, пыталась не терять истоптанной козами тропинки. И идти по проложенному в памяти маршруту. Это гора стояла на северном берегу почти на середине острова. Аксинья стояла, рассматривала гору. Гора выше, чем те на берегу, склон пологий, но не сильно, зарос редким мелким кустарником, в это время до слуха долетел какой-то звук или гул, она бегом бросилась к горе, хватаясь за кустарники, продираясь через них царапая лицо и руки, с бьющимся сердцем, она взобралась на гору.

Когда взбежала на вершину, увидела далеко в небе реактивный самолет, оставляя белесый след, светлой точкой исчезал на горизонте.

Глядя вслед исчезающей точке, она прошептала: «Я хочу домой». Умом она понимала, даже если самолет сейчас пролетал бы прямо над ней, над островом, летчик все равно бы не увидел ее.

От исследовательского духа и приподнятого настроения ничего не осталось. Она села обняла колени, и бездумно уставилась в одну точку, ничего не видя перед собой.

Просидев так, непонятно сколько времени, захотела пить.

А узелок-то там, внизу остался и косынку потеряла, надо встать идти, «не умерла же я еще и никто мне не скажет вставай, двигайся», – так уговаривая себя она заставила себя подняться.

С горы все четко просматривалась. Вот недалеко большой серый валун, странный какой-то, вокруг него не то травинки, не то вода, не то блестящий песок. За валуном, напротив от бухты до Черной скалы, вдоль побережья тянется густой лес, а с этой стороны берег круто приподнят по пологому склону колками растут деревья, кустарники с небольшими пятчками полян.

Прямо у подножия еще одна апельсиновая роща или рукотворный сад.

Деревья растут аккуратными рядами, чувствуется порядок и продуманность. Может здесь, когда-нибудь жили люди, но ни одного здания или постройки не видно. Рядом с горой два родника, отсюда хорошо видно как бьют ключи, вода не растекается ручьем, видимо обратно уходит в землю.

Рассмотрев все, Аксинья спустилась с горы, подобрала свой узелок, сняла с веток косынку и направилась к роднику. Тем временем козы тоже пришли на водопой. Не доходя до них, остановилась, чтоб не спугнуть. Аксинья пересчитала коз, козы подняли головы и спокойно устали на нее, не выражая никакого беспокойства. Они крупнее наших деревенских, и чисто белые. С высоты на любом месте их видно, если они не спрятались под деревьями, не бояться совсем, видно здесь действительно никого не бывает, и хищников нет.

– Здравствуйтесь, я тоже пришла попить.

Козы отступили от родника. «Куда я попала, эти тоже все понимают что ли? А может они отступили от родника просто от звука моего голоса».

Аксинья пила набирая в ладошки воду, потом умылась, козы, спокойно жуя свою жвачку, наблюдали за ней.

– Спасибо, вода очень вкусная и холодная, – родник полукругом обложен булыжником, небольшой ручеек, вытекающий оттуда нырял в траву и терялся в ней. Козы повернули головы в сторону второго родника.

– Вы хотите чтобы я посмотрела и второй родник, – изумилась Аксинья.

Они дружно двинулись туда.

Когда Аксинья вслед за ними подошла туда, она была удивлена, родник был ровно выложен в форме небольшого бассейна. Она сунула туда руку, вода горячая, не кипятком, купаться вполне можно. Она разделась, не долго думая плюхнулась в воду. Блаженство, это сколько же я не была в бане, эх сюда бы еще веник березовый.

Выкупавшись, объявила:

– Спасибо ребята, у меня в душе покой и легкость в теле, вообще-то я шла посмотреть Черную скалу, или просто дойти до него по пути рассматривая все. Вы как? Я не против, если составите мне компанию.

Козы дружно потянулись вслед за Аксиньей в сторону Черной скалы. Вот и хорошо, не одна я здесь, ну и что, что не разговаривают, зато они живые и понимают меня.

Стоп, а родники-то искусственные. Ну, родники то может не искусственные, а бортики, и дно видно же, что это сделано руками человека, а может козы тоже домашние, кто-то здесь жил, развел коз, посадил сад.

За раздумьями Аксинья и не заметила, как они дошли до Черной скалы.

Оглядываясь назад, она подумала: «Остров я прошла вдоль, поперек, но еще в закоулки не заглянула».

И так на севере у нас пляж с дельфинами, они там больше находятся, на юге Южный пляж с бухтой, куда впадает Тихоструйная, на западе горы «Семь братьев», или Семигорье, на востоке Черная скала. Посередине приблизительно на восточной половине на северном берегу гора названная Сестрой. Есть Родник с очень вкусной питьевой водой, рядом термальный источник, который снимает усталость и дает легкость телу, два апельсиновых сада, в которых кроме апельсиновых деревьев еще много, что есть. Рай. Рай на земле.

Если бы можно было сейчас отстучать объявление, она звучало бы примерно так: «Меняю рай на земле со всеми перечисленными атрибутами, на свой домик в полуразрушенной деревне с вечным безденежьем, и с абсолютно безнадежным будущим».

Рай для одного человека или для индивидуального использования. Да по ночам очень холодно, натягиваю штук пять рубах и зарываюсь в листья. А сейчас в кровь разодрала лицо и руки, пока торопилась забраться побыстрее на гору посмотреть, что же там гудит, уж не за мной ли транспорт прислали. Аксинья взглянула на свои изодранные колючками кустарников руки и ахнула, ни одной ранки, даже царапины нет, потрогала лицо, чувствуется, что кожа стала гладкая не царапин не боли.

А-а-а, это наверно родники, целебные. Значит, у нас еще есть родник с живой и мертвой водой. Да, интересно, еще какие сюрпризы ждут меня на этом острове.

Козы разошлись по поляне щипать траву, некоторые расположились в тенечке под скалой, жуя свою бесконечную жвачку. Ничего из ряда вон выходящего скала собой не представляла. На выступах кое-где рос лишайник. У подножия кучками лежал козий пух, и так-то белый под лучами жаркого солнца он сделался совсем снежно-белым. Видно козы сюда приходят на линьку, перебирая пух в руках думала Акинья, а птицы таскают их в гнезда, обкладывают, чтобы птенцам тепло было.

Здесь его много, можно связать теплые вещи, эх электропрялку бы сюда, придется дедовским методом, сделать веретено и прясть вручную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.